

Подюков И. А. Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья) / И. А. Подюков // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 318—334. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-318-334.

Podyukov, I. A. (2022). Christian Reminiscences in Live Speech (in Old Believers' Subdialects of Prikamye). *Nauchnyi dialog*, 11(4): 318-334. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-318-334. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-318-334

Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья)

Подюков Иван Алексеевич
orcid.org/0000-0002-1844-5038
доктор филологических наук,
профессор,
старший научный сотрудник
отдела истории, археологии
и этнографии
podjukov@yandex.ru

Пермский федеральный
исследовательский центр
Уральского отделения
Российской академии наук
(Пермь, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 19-18-00117
«Традиционная культура русских
в зонах активных межэтнических
контактов Урала и Поволжья»

Christian Reminiscences in Live Speech (in Old Believers' Subdialects of Prikamye)

Ivan A. Podyukov
orcid.org/0000-0002-1844-5038
Dr. Hab. (Philology), Senior Researcher
Department of History, Archaeology and
Ethnography
podjukov@yandex.ru

Perm Federal Research Center
Ural Branch
Russian Academy of Sciences
(Perm, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 19-18-00117
“Traditional culture of Russians
in areas of active interethnic
contacts in the Urals
and the Volga region”)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье поднимается вопрос о книжных реминисценциях в живой речи носителей старообрядческой традиции Прикамья. Отражая религиозное сознание, они содержат догматы о смысле жизни и законах нравственности, раскрывают суть этических наставлений. Уделяется внимание функциям реминисценций, способам их использования: введение в высказывание имени христианского персонажа или названия сакрального объекта, включение в речь названий прецедентных артефактов, использование фразеологизмов из текстов традиционной книжности и аллюзий. Новизна исследования видится в том, что выявлено активное использование старообрядцами отсылок к библейским, житийным и апокрифическим текстам. Книжные включения наделены мировоззренческими и дидактическими смыслами, выражают аналогию фактов христианской истории и явлений реальной жизни. Доказано, что использование элементов религиозных текстов оживляет в сознании носителя языка смыслы этих текстов, наделяет устную речь свойствами интертекстуальности. Использование религиозных реминисценций характеризуется их широким варьированием, что связано с условиями устной диалектной коммуникации и отражает снижение религиозной грамотности. Актуальность исследования обусловлена тем, что привлекаемые в обыденную речь образы книжно-письменной культуры остаются малоисследованным средством выражения сложного мира чувств и переживаний верующего.

Ключевые слова:

христианские реминисценции; старообрядцы; диалекты; Прикамье.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article brings about the issue of book reminiscences in the live speech of the bearers of the Old Believers' tradition of Prikamye. Reflecting religious consciousness, they have dogmas about the meaning of life and laws of morality; reveal the essence of ethical guidance. Attention is paid to the functions of reminiscences, the ways of their use: introduction of the name of a Christian character or the name of a sacred object into the statement, inclusion of the names of precedential artifacts in live speech, the use of phraseological units from the texts of traditional literature and allusions. The novelty of the study is seen in the fact that the Old Believers actively used references to the biblical, hagiographic and apocryphal texts. Book inclusions are endowed with worldview and didactic meanings; they express an analogy between the facts of Christian history and the phenomena of real life. It is proved that the use of elements of religious texts revives the meanings of these texts in the mind of a native speaker, endows oral speech with the properties of intertextuality. The use of religious reminiscences is characterized by their broad variation, due to the conditions of oral dialect communication, and reflects the decline of religious literacy. The relevance of the study is conditioned by the fact that the images of book and written culture involved in everyday speech remain a little-studied means of expressing the complex world of feelings and emotional experiences of a believer.

Key words:

Christian Reminiscences; Old Believer; Subdialects; Prikamye.

Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья)

© Подюков И. А., 2022

1. Введение = Introduction

В структуре речевого общения разных лингвокультурных общностей при выражении характерных для того или иного сообщества культурных стереотипов используются текстовые реминисценции. Реминисценция, или заимствованный элемент других текстов, представляет собой отсылку к широко известному культурному факту (прецедентные феномены — это единицы, отражающие категории культуры [Захаренко и др., 1997, с. 87]). Она содержит аналогию представленных в исходном прецедентном тексте событий, свойств и качеств персонажей явлениям реальной жизни, связывает культурные, художественные, религиозные факты с действительностью. Такие включения в текст (речь) оживляют в сознании носителя языка смыслы исходных текстов (обычно авторитетных, отражающих ценностную картину мира).

Обращение в речи к религиозным текстам (библейским сюжетам и образам, к произведениям житийной литературы) характерно не только для образованного человека, знающего священную историю, религиозную идеологию и религиозное учение. Для носителя традиционной, бесписьменной культуры типично обыденное религиозное знание, которое в основном переносится в личную сферу человека. Связь религиозного и мирского ярко выражена у носителей христианской веры, речь которых содержит интертекстуальные книжные включения религиозного содержания (особенно характерно книжное религиозное знание для диалектоносителей-старообрядцев [Крючкова, 2018]). Отрываясь от библейского контекста, религиозные реминисценции самостоятельно используются для разъяснения понятий веры, передают оценку событий повседневной жизни с позиций морали и религии как двух взаимосвязанных сфер культуры.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Реминисценции активно исследуются на материале художественной речи [Нежданова, 2001; Ремпель, 2004; Столяров, 2006], в публицистических текстах [Воронцова, 2004; Онищенко, 2010]. Особое внимание исследователей обращено на отсылки к библейским текстам: в них представлены ценностные смыслы нравственно-дидактического характера, сюжеты, образы, крылатые слова, остающиеся источником обогащения языка.

Предпринятый в статье анализ книжных реминисценций в живой народной речи (прежде всего в диалекте) соотносится с исследованиями, в которых рассматриваются такие средства речевой рефлексии, как прецедентные высказывания религиозного содержания. Использование элементов древних письменных текстов представляет собой сложный стилистический прием, не вполне типичный для устной спонтанной речи. В диссертации А. В. Исаевой отмечается, что для современной разговорной речи более очевиден интерес к неканонизированным реминисцентным формам (заимствования из произведений художественной литературы и искусства, фильмов, драматических произведений, песен, анекдотов, средств массовой информации) [Исаева, 2000]. Книжная образность носит отвлеченный характер, что не свойственно живой речи, отличается преобладанием умозрительных, а не чувственных образов. Тем не менее книжные реминисценции как социокультурные стереотипы и как проявление стилистического творчества активно применяются и в живой речи. В частности, как отмечает Т. Н. Никонова, вставки из прецедентных текстов используются в диалектном общении носителей старообрядческой культуры (при этом исследователь показывает, что в речи уймонских староверов библейские истории в живом пересказе используются в готовом виде или же претерпевают различные изменения, переосмысливаются, получают смысловую многоплановость [Никонова, 2014]). Как показала О. Ю. Крючкова [Крючкова, 2008, с. 4], религиозные сюжеты органично включаются в культуру повседневности, подвергаясь субъективации, получая эмоциональную оценку. Таково, в частности, отмеченное О. Ю. Крючковой реминисцентное использование фрагмента притчи Иисуса Христа о пяти девах, не взявших масла в светильники (Евангелие от Матфея). В народном восприятии эпизод осмыслен как урок тому, что *«надо вовремя все запасть»*, и как объяснение того, что Иисус Христос из-за неготовности людей к встрече с ним ушел, в результате чего жизнь стала несправедливой (*«Ой, не знаю, что за жизнь пошла!»*). Заметим, что в собственно религиозной образованной среде отмечены близкие, но не тождественные приведенным толкования притчи: что надо всегда быть готовым встретить Господа, иметь добрые дела, так как никто не знает ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий; что современные религии и церкви утратили тесную связь с Богом (*«уснули»*, как уснули девы, не готовые встретить Иисуса Христа).

В статье рассмотрены разные виды религиозных реминисценций, отмеченные в устном общении старообрядцев Прикамья (преимущественно жителей сельской местности или выходцев из села). Представителей старообрядчества отличает знание христианских текстов, а в основе их восприятия действительности и картины мира лежит отношение к каждому

событию жизни как к исполненному сакральным смыслом. В условиях нынешнего угасания конфессиональной жизни старообрядческих согласий книжное знание ослабевает и все чаще воспроизводится лишь по памяти. Тем не менее речь многих носителей старообрядческой культуры остается «интертекстуальной»: содержит большое количество аллюзий к почитаемым носителями традиции книжным источникам. С помощью реминисценций, привлекаемых в речь, говорящим выражается предшествующий культурный опыт, актуализируются нормы традиции.

Книжные реминисценции в живой речи старообрядцев представлены в разных формах — как самостоятельное реминисцентное имя, как цитирование (чаще без сносок; дословное или с изменениями, в том числе в виде усечения), как вольный пересказ. Реминисцированием может быть введение в речь имени персонажа или названия географического объекта, названия прецедентного артефакта, использование фразеологизмов из текстов традиционной книжности, включение в свое повествование аллюзивных намеков на сюжеты и образы христианской литературы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Прецедентное имя в речи

В качестве реминисценций активно используются топонимы и антропонимы с устойчивыми христианскими ассоциациями — широко известные имена собственные, закрепленные в христианской культуре и как обозначения конкретного человека или места, и как культурные знаки, символизирующие идеальные и греховные качества человека, его отношение к жизни, понимание судьбы и пр.

Использование прецедентных имен собственных нередко заключается в их метафорической трансформации, в переводе в нарицательные. Название города *Назарет* (третьего по значимости после Иерусалима и Вифлеема, которое упоминается в евангельских текстах) встречается в оценке родной деревни рассказчицы, где прошло ее детство: *«Папа безумно маму, мне кажется, любил. И они очень дружно жили. Вот в таком назарете выросла. Я говорю — в стерильных условиях. А потом всю деревню нас раскулачили, выселили всех»* (Лысва). Рассказчица в воспоминании о счастливом детстве не просто проводит аналогию между своей деревней и священным городом, где прошли детство и юность Иисуса Христа (*Назоря, Назаретянина*). Как известно, дальнейшая судьба Назарета была печальной: город был захвачен мусульманами, а после того, как его освободили крестоносцы, подвергся новому разорению (в город ворвались египтяне и приказали всем принять ислам; за отказ христиане были умерщвлены, а храмы уничтожены). Созданный рассказчицей образ сближает события

христианской истории и личной судьбы героини, передает атмосферу пережитого ей времени.

Имя в процессе деонимизации получает символический смысл. Конфессиональное название старообрядца *кержак* представляет, на наш взгляд, сложный случай символического развертывания гидронима *Керженец* (названия левого притока р. Волга в Нижегородском Поволжье, на берегах которого в начале XVIII века было много старообрядческих скитов). Образованный от прецедентного имени конфессии *кержак* 'старообрядец' (в Прикамье часто так называют не старообрядцев вообще, а прежде всего представителей часовенного согласия) мотивирован тем, что после разгрома старообрядцы, переселяясь на Урал, покидали свои селения по р. Керженец. В речевом употреблении название активно варьируется: речка *Керж* / *Кержач* / *Кержанка* / *Кержачка*, *Кержань* / *Кержень*, что, скорее всего, объясняется затемненной внутренней формой неславянского (финноугорского) гидронима (из мордовского *керж* левый), общерусской тенденцией наделять реку «женским» именем: *Мама говорила, что кержаки завелись на Кержанке, а она кержанка* (Трисаны, Нытвенский район); *Река Керж была, вера образовалась там. А поморская ли, я не знаю* (Соколово, Вережгинский район). *Кержень* в народных рассказах фигурирует как историческая родина носителей старой веры: *Кержень-то это уже не Никон зорил, а этот, епископ-то, как его, Питирим. Ак это, там мы были на Кержени. Кержень-то рядом там, значит, с этим озером, недалёко. Вот оттуда, с Горького сюда на Урал кержаки были ведёны Богородичной иконой* (Кын, Лысьвенский район). Приведенный текст демонстрирует переосмысление фактов истории: текст о переходе старообрядцев на Урал построен на записанной П. И. Мельниковым-Печерским легенде о том, что старообрядцев из Поморья в керженские леса вела икона Казанской богородицы, которая раньше была на Соловках; она и указала место для основания первого на Керженце Шарпанского скита («В лесах». Гл. I; в 1849 году скит был закрыт, а икону, как считается, П. И. Мельников-Печерский, приезжавший в эти места как чиновник особых поручений, вывез в Москву). Отмеченный факт перехода на Урал с иконой Богородицы не вымысел рассказчика; в сознании пермских старообрядцев, потомков тех, кто вышел из Керженца, усматривается осмысление реки как своеобразной мифической, священной «прародины» старообрядцев. Поэтому, по местному убеждению, река, откуда пошло старообрядчество, может находиться на Урале или в соседней Вятке: *На Урале есть река Кержачка — где-то в Свердловской области. Вот и прозвали кержаками* (Меча, Кишертский район); *Тут речка Кержачка была, здесь недалеко, по речке они жили. Их истребляли, убивали, и они по речке Кержачке скрывали-*

ся, в лесах. Их даже в землю живых закапывали (Осинцево, Кишертский район); Кержаки поселились в Кировской области на реке Кержач, так и стали называться кержаками (Пурга, Очерский район). Размытость значения топонима указывает на его символизацию, это же подтверждает закрепление образа речки *Кержанки* в фольклоре. Он используется в зафиксированной В. Н. Шишонко пермской исторической песне «Как со веча затуманилось» [Шишонко, с. 194] о беглых солдатах-разбойничках, которые плывут по Кержанке в легкой лодочке (опубликована И. В. Зыряновым [Камская вольница, 1977, с. 46—47]). Река с близким названием *Кеженка* встречается также в казацкой песне «Из-за Дону-то, Дону тихого» (*Из-под синего камешочика вытекала река, река быстрая. Речка быстрая, хоботистая, хоботистая-омутистая, По названью река — речка Кеженка*) [Русские в Коми-Пермяцком округе ..., 2008, с. 440]). По сюжету, в этих песенных текстах (как в знаменитой песне про Стеньку Разина) разбойник бросает в реку свою пленницу; река в них предстает как воплощение могучей стихийной силы, которая требует задабривания, безвинной жертвы. Образ жертвоприношения в чем-то созвучен идее жертвенной преданности старообрядцев вере, которая учит принимать страдания и относиться к ним как к духовному очищению.

Собственное имя с культурно-символическими коннотациями часто используется в речи старообрядцев в составе устойчивого сочетания. Такие сочетания могут иметь прямой, номинативный смысл и смысл переносный. Метафорически используется сочетание *Ноева потоп*, в котором упоминается описанный в Книге Бытия факт: «*Ноне льёт-ленёт, Ноева потоп. Вся трава полеглая. Прогневали Бога, вот и не останавливаются*» (Усть-Уролка, Чердынский район; ср. карельское *Ноев потоп* шутливо о проливном дожде [СРГК, вып. 4, с. 34]). Образ заимствован многими говорами: новгородское с *Ноева потоп* ‘очень давно’ [НОС, вып. 8, с. 155], псковское ‘о чём-л. очень старом, ветхом’ [СППЗ, с. 62]. Его назначение — не просто подчеркнуть масштабность стихии, но и дать ей толкование: по мнению верующих, всемирный потоп был наслан Богом в наказание за неверие, он должен изменить мир, стать уроком для человечества.

В составных названиях осложнение семантики достигается не только актуализацией религиозных ассоциаций имени, но и символизмом других компонентов. Например, название предания о преподобной Марии *Мариино стояние* (записано святым Софронием в VII веке) используется для обозначения службы, посвященной преподобной Марии Египетской (проводится в среду пятой недели Великого поста). Словом *стояние* здесь обозначено не обычное нахождение на месте в стоячем положении, а молитвенное стояние, которое для верующего символизирует распятие, освобождение, очищение

от грехов, ср. в речи старообрядцев: *На стоянье хоть в тебя камни кидают, пули летят, а ты стой и молись* (Кын, Лысьвенский район). В название моления, следовательно, включена идея предстояния перед Богом: в стоянии «физическая неподвижность стоящего как бы восполняется ... высшей подвижностью духа, его восприимчивостью, отзывчивостью, энергией, активностью» [Топоров, 1996, с. 30]. Название предания, следовательно, характеризует моление преподобной Марии как духовный подвиг. Не лишено символического наполнения и название знаменитого восстания монахов Соловецкого монастыря *Соловецкое сидение*. Не принявшие реформу Патриарха Никона монахи почти восемь лет сопротивлялись царским полкам, но восстание было подавлено, монахи казнены или сосланы (позже старообрядческой церковью все погибшие были признаны великомучениками). Слово *сидение*, указывая на промежуточное положение между стоянием и лежанием, в этом случае является символическим обозначением пребывания между жизнью и смертью (если стояние связано с активностью, то лежание с приближением человека к грани запредельного мира, инобытия [Топоров, 1996, с. 43]). Название исторического события (с Соловецкого сидения отсчитывается начало старообрядчества) становится одновременно обозначением места мучений, страданий за веру.

Определение Николы Святителя *Теплый заступник* (*Я только на молитвы надеюсь, на Святителя Николу, он скорый помощник и теплый заступник*, Лысьва) отражает его понимание как святого, которому можно молиться во всех нуждах. Слово *теплый* используется в оценке Святителя в устаревшем переносном значении ‘усердный’ (ср. *теплая молитва* ‘усердная’, *теплый человек* ‘отзывчивый’). Этот же эпитет используется в молитвах из молитвослова (*О, всесвятый Николае, угодниче преизрядный Господень, теплый наш заступниче и везде в скорбех скорый помощниче. Помози мне, грешному и унылому...*; ср. также в народном варианте молитвы *Батюшка Никола Великий Чудотворец, теплый помощник, добрый заступник, помоги мне, грешнице, во всех скорбях, во всех нуждах...*). Возможна для эпитета и прямая мотивация: считается, что с Николина дня (22 мая) устанавливается теплая погода (связь Николы с теплом отражена в пословицах *пришел бы Никола, а тепло будет, Веиной Никола с теплом, Зимний с морозом*). Тему тепла усиливает еще одно обоснование: Никола Угодник считается святым, дарующим плодородие, урожай. В Прикамье с Николина дня либо начинался, либо им заканчивался самый большой и ответственный сев (пшеницу старались посеять до Николина дня — Калинино Кунг.). В отнесённости наиболее ответственных аграрных работ к дню св. Николая отражена устойчивая общерусская характеристика его как покровителя земледелия [Успенский, 1982, с. 52]. В целом же сочета-

ние *Никола теплый помощник* указывает на особое место наиболее почитаемого святого в религиозном сознании русских.

Выражение как *Фому вытолкнуло (кого-л.)* используется для характеристики устыдившегося и спешно покинувшего какое-либо место человека (*Она давай его отчитывать: «Че ты к ему идешь, греховоднику»! А он повернулся к ей и сказал: «А может мы грешней его, че мы его ругам»? Тут ее как Фому вытолкнуло*, Кын, Лысьвенский район). В выражении упоминается один из двенадцати учеников Иисуса Христа, известный верующим как сомневающийся и недоверчивый, упрямый человек («неверующий апостол»). Пережитое апостолом потрясение, когда он своими глазами увидел Христа воскресшим, соотнесено в рассказе с состоянием собеседницы, которой также внезапно открывается новое видение отношения к другому. Возможно, устойчивость сравнения подкрепляется представлением старообрядцев о том, что сомнение в своей вере в Бога не является грехом. Фома же символизирует человека, прошедшего тяжкое состояние неверия и прославляемого за опыт своего сомнения и веры (*блажени не видевшии и веровавшие*», Евангелие от Иоанна. 20:29).

В ряде случаев в составе фразеологических выражений имеет место взаимодействие христианских имен. Сочетание *Дай Бог нам Петрово покаяние, не Иудино* наделено религиозно-нравственным смыслом, выражает мысль о истинной сущности покаяния: *Дай Бог нам всем Петрово покаяние, не Иудино. Иуда только раскаялся, а ко Христу не пришел, Петр апостол отрекался от Христа, а от его не убежал* (Кын, Лысьвенский район). В выражении через сопоставление поведения Иуды и апостола Петра проясняется суть одного из христианских таинств: Иуда, раскаявшись, не вернулся в свою общину и не припал к ногам воскресшего Христа, а самоубийством лишил себя возможности покаяться перед Господом. Отречение Петра от Христа и последовавшее его покаяние, осознание греха, напротив, стали для апостола великим уроком для спасения.

К именам собственным, как известно, относят и названия книг. В старообрядческой культуре чтение книг всегда было способом вхождения в живую духовную традицию; книга «была святыней, она являла собой материализацию таинственных сил» [Бахтина, 1998, с. 170]. В диалектной среде древние книги в наши дни живут чаще в воспоминаниях, и память об их содержании и назначении связана с названиями. Книга *Григорово (Григорьево) видение* рассказывает о видении ученика преподобного Василия Нового монаха Григория о вышнем Иерусалиме, пришествии Господнем и Страшном суде, о мытарствах души человека после его смерти на пути к Божьему суду: *в книгах Григорьева видения вы почитайте, Григорьево видение. Лествица... 40 ступенек, а что на каждой? Да 40 мытарств*

(Пильва, Куединский район). В названии может использоваться (при образовании притяжательного прилагательного) форма православного русского имени Григорий *Григор*. Статьи на разные темы, направленные против ересей, содержит *Кириллова книга* (предназначалась для полемики с протестантами и католиками): *Не лечит она, книга эта Кириллова, она только по правильному молению* (Сыра, Суксунский район). Книга *Ефрем* упомянута в шутовском выражении о наступлении Великого поста *Пришла редька да хрен, да книга Ефрем* (Сепыч, Верещагинский район). В составе поговорки — указание на требование читать в пост книги Ефрема Сирина (богослова, автора Поучения, книги «Молитва Великого поста»; в истории религии преподобный Ефрем Сирин считается учителем покаяния).

3.2. Названия прецедентных феноменов

Названия артефактов, созданных человеком предметов, получивших религиозно-символические значения и смыслы, выделяют реалии, которые принадлежат не столько материальному миру, сколько духовной, вторичной реальности. Так, слово *ковчеже* используется для описания некоего сосуда, ящика, ларца для хранения ценностей: *На Суде Ангелы Господни ковчеже злата положат на веса, и что перетягат, грехи или добрые дела* (Лысьва). Словом здесь назван не просто ларец (в православной церкви *ковчежем* называется ящик для хранения таких богослужебных предметов, как ризы святых, святыне мощи). *Ковчеже* выступает как хранилище добрых деяний (в народных рассказах они представлены в виде золота). Искажение слова (*ковчеже* вместо *ковчежецу*) вызвано затемненностью его внутренней формы; слово «ошибочно» уподоблено звательной форме, которая десемантизирована и используется лишь как способ стилизации. Заимствование из старославянского языка, слово встречается в христианской литературе (например, *ковчежец*, где находились духовные заслуги, святой Василий дает Ангелам, сопровождающим преподобную Феодору во время прохождения ей мытарств, чтобы откупаться от бесов, «Житие Василия Нового»). Семантическая неопределенность слова не лишает его общесимволического смысла, соотношения с идеей спасения, более очевидной в образе *Ноева ковчега*.

3.3. Фразеологизмы из текстов религиозной книжности

При использовании в устной речи фразеологизмов из религиозных книжных текстов обычно сохраняется их возвышенная окраска. В высказывании *грехов у нас у всех много, паче песка морскага и листа древнага* используется два сравнительных оборота, указывающих на множество, неисчислимость. Первый оборот со значением ‘много’ известен по словарям начала XX века и обозначает то, что неизмеримо, не поддаётся счету (*песка морского паче* ‘иносказательно о великом множестве’ [Михельсон, 1912, с. 622]). Восходит он к книге Бытия (*Умножая умножу семя твоё, как*

звезды небесные и как песок на берегу моря. Бытие. 22, 17; И скопил Иосиф хлеба весьма много, как песку морского. Бытие. 41, 49). Сравнение встречается в религиозных трудах (например, в Творениях Петра Дамаскина: «Первым признаком начинающегося здоровья души является видение грехов своих, бесчисленных, как песок морской»). Сохранение в составе оборота сравнительного наречия *паче* ('больше') и следов архаичной местоименной формы прилагательного *морскага* придает сравнению возвышенный тон, а высказыванию — значение безусловной авторитетности. Второй оборот, соединенный с первым, имеет (при неясной внутренней форме) то же значение 'много'. Можно предположить использование в этом случае образа древнего листа, исписанного буквами (из представления верующих, что «неисчислимые» грехи записываются на бумажных или пергаментных листах, например, в хартии: *В Иерусалим на моление, и там пришла Пресвятая дева Мария с хартиями. Открылось небо, просто оно открылось. Она стала, чтобы люди все видели и читали, кому чё за чё спастися. Лысьва; ср. В духовном стихе Н. Гурьянова «Гори ясней, моя лампада»: «О как явлюсь я пред тобою, Владыка мой и судия? Грехов моих передо мною Лежит раскрыта хартия»). Отметим также, что значение 'много' в народной речи нередко выражается уподоблением самим библейским текстам: «Целу библию вам насказала» (Воскресенское, Карагайский район). Само выражение можно считать наивной народной стилизацией, направленной на выделение мысли о том, что истинно верующим считается не тот, кто безгрешен, а тот, кто «видит свое духовное и нравственное несовершенство, свою греховность, страдает от нее и ищет исцеления, спасения» [Осипов, 1999, с. 224].*

Известное по Ветхому завету (Вторая книга Моисеева) выражение *не давай вола своего тому, кто просит в праздник* содержит обрядовый запрет на работы в праздник («*Нельзя работать в праздник. Не давай вола своего, говорят, тому, кто просит в праздник. Не поощряй никак. И сам. Только Богу молись, это праздник. Кто соблюдает воскресения, праздники, тому век продлевается*», Лысьва). Сам библейский запрет, с которым оно связано, не разрешает работать в субботу (Закон о субботнем покое): «Шесть дней делай дела твои, а в седьмой день покойся, чтобы отдохнул вол твой и осел твой, и успокоился сын рабы твоей и пришелец» (Исход. 23:12). В говорах выражение изменено: запрет распространяется не на субботу, а на воскресенье или праздник (в Библии нет такого однозначного предписания). Известно, что в древности последним днем недели считалась суббота, и только римский император Константин, которого считали язычником (и который разрешил в Риме все религии, в том числе христианство), перенес выходной день на воскресенье как день, посвященный Солнцу. Если Библия объясняет запрет трудиться потребностью восстановить силы после шестидневной ра-

боты (волы использовались для перевозки тяжестей, для обмолота зерна), то в живой речи указывается на необходимость чествовать воскрешение Христа. Упоминаемые в библейском высказывании ослы также использовались для земледельческих работ, особенно для приготовления почвы под посев. Обращение к авторитету Библии призвано объяснить запрет и усилить категоричность предписания. Выражение *в рай попасть, как слону в игольные уши* соотносится с фразой из Священного писания *Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мк. 10): *Крестная у меня все говорила: в рай-то попасть, как слону в игольные уши. Тут надо молиться очень, Бога просить* (Лысьва). Варьирование компонентов слон / верблюд перекликается с известным «превращением» слона в верблюда, отраженным в этимологии слова *верблюд* (готское по происхождению слово *верблюд* через греческий язык восходит к восточному названию слона, см. [Фасмер, 2003, с. 293]). Использованное в речи выражение лишается основного смысла — рай не место для тех, кто тучен (кто живет для физических, плотских удовольствий), становится общей характеристикой труднодостижимости рая.

3.4. Аллюзии религиозного содержания в живой речи

Четкой границы между аллюзией и реминисценцией, как утверждают многие исследователи интертекстуальности, нет; нередко прямо противоположные толкования этих форм связи текстов (реминисценция включается в состав понятия «аллюзия»; реминисценция — обобщение всех форм интертекстуальных включений [Жишкевич, 2018, с. 80—81]). Выделяя религиозные аллюзии в живой народной речи, мы исходим из того, что среди других средств и форм интертекстуальной связи аллюзия требует однозначного понимания и прочтения, более близка к цитате, чем реминисценция, хотя и не нуждается в опоре на имя автора и часто не атрибутируется. Примером использования аллюзии может служить обращение к образу чудесной курочки из «Жития протопопы Аввакума», зафиксированное нами от разных носителей старой веры: *Наши деды с Камы, старообрядцы. Назвали уголовниками, пришли, всё забрали, только одна курочка осталась, для ребёнка яичко было каждый день. А отца судили. Года три сидел* (Кын, Лысьвенский район); *Родители были выселены как бандеры. Отмечаться надо было ходить. Бабушку со мной вот оставили, еда нету никакая, дак корчажными полосками меня кормила. Одна курочка, говорит, осталась, как знала, что голодом сидим. Окошко у нас открывалось. И знала, чтобы яичко не потерять, приходила домой сносить. Как знала, чтобы ребёнку оставить яичко. Репрессия была такая. Мама всё время боялась, дрожала и беременна со мной была. Вот и выросло нас девять человек, двое маленьких умерли* (Рассолёнки, Лысьвенский район).

Очевидно, в рассказах упоминается персонаж, близкий к «чудесной черненькой курочке» из «Жития протопопа Аввакума», которая «по два яичка ребятам на день приносила на пищу, помогая их нужде». Использование этого образа отражает стилевую манеру протопопа Аввакума: обыденными средствами изображать сакральное, непостижимое [Липич, 2005, с. 116]. Как имеющая отношение к началам жизни и будущему, курочка не дала умереть с голоду и детям ссыльного протопопа; этот же смысл реализован в представленных рассказчиками воспоминаниях. Косвенно указывает на чудесные свойства курочки глагол *знала*, ее способность *приходить сносить* в дом через окно. Отметим, что подобная характеристика курочки вполне соотносится с народным мифологическим ее восприятием как близкого к Богу существа: курица в диалектной речи часто называется *божья, святая* («*На Великодённый четверг кладешь поклоны — без повеления божия курица не пропадает. Проси Бога, они святые курицы-то, чтоб летом кориун не обидел. Гражу крестом: «Чур, мои, да божьи»*», Бырма, Кунгурский район). Особая выделенность курицы черного цвета проявляется в использовании ее в качестве жертвы при болезнях (Македония, Болгария, Чехия [СД, т. 3, с. 65]), в признании за ней особых качеств («*Черные курочки, оне кладливые*», Одицково, Карагайский район). Использование аллюзии, следовательно, опирается на распространенность заключенного в ней символа, его универсальность.

4. Заключение = Conclusions

Наблюдения показывают активное использование старообрядцами в повседневной речи отсылок к библейским, житийным и апокрифическим христианским текстам, к названиям священных мест. Реминисценции могут быть представлены отдельным словом, устойчивыми словосочетаниями, отрезками текста, прямо или косвенно восходящими к тексту Библии или к библейским сюжетам, к неканоническим (апокрифическим и житийным) произведениям. Привлечение их в речь направлено на обозначение культурных и мировоззренческих приоритетов, на оформление представлений о смысле жизни и законах нравственности, на объяснение сути религиозно-этических предписаний и житейских наставлений; на выделение значимых для старообрядчества культурных реалий. Включаемые в обыденную речь образы книжно-письменной культуры являются одним из средств выражения сложного мира чувств и переживаний верующего. Их использование в устной речи подтверждает мнение Е. Б. Смилянской о том, что у конфессиональной культуры, книжной в своей основе, сохранились резервы для существования в новой ситуации, когда книжное знание постепенно заменяет лишь память о нем [Смильская, 2013, с. 36]. Обучение грамоте, чтение, практика богословских споров занимают все

меньше места в конфессиональной жизни современных старообрядцев, в основном религиозное знание актуализируется в молитве и участии в богослужениях. Деформация и произвольное индивидуальное развертывание многих заимствованных из книжных текстов элементов, безусловно, связано со снижением религиозной грамотности, с тем, что книжное знание все чаще воспроизводится лишь по памяти. Устное бытование элементов религиозного знания свидетельствует не только об утрате традиционной религиозности, но и о процессах ее трансформации.

Использование религиозных реминисценций характеризуется их широким формальным варьированием, семантическими переосмыслениями. Содержанием реминисценций становятся и сами события и факты христианской истории, и отношение к ним; с помощью этих фактов получают эмоциональную оценку явления реальной жизни говорящего. Вариативность книжных заимствований является также следствием проявления в речи творческого начала.

Источники

1. *Зырянов И. В.* Камская вольница : ист. фольклор. Прикамья / И. В. Зырянов. — Пермь : Кн. изд-во, 1977. — 227 с.
2. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: свое и чужое : опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург, 1912. — 1045 с.
3. НОС — *Новгородский* областной словарь. — Новгород : Издательство Новгородского государственного педагогического университета, 1994. — Вып. 8. — 169 с.
4. *Русские* в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор : материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. — Пермь : От и до, 2008. — 501 с.
5. СД — *Славянские древности* / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2004. — Т. 3. — 693 с.
6. СППП — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 178 с.
7. СРГК — *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей / ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — Вып. 4. — 633 с.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1 / М. Фасмер. — Москва : Астрель-АСТ, 2003. — 588 с.
9. *Шишонко В. Н.* Народное творчество Пермской губернии. — Рукопись, № 204.

Литература

1. *Бахтина О. Н.* Книга и слово в старообрядческой системе ценностей (о своеобразии старообрядческой литературы) // Мир старообрядчества. — Москва : РОСПЭН, 1998. — Вып. 4. — С. 166—171.
2. *Воронцова Ю. А.* Реминисценции в текстах современных средств массовой информации : дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Воронцова. — Белгород, 2004. — 233 с.

3. *Жишкевич А. И.* Типология форм интертекстуальных включений на основе реминисцентного поля / А. И. Жишкевич // Журнал Белорусского гос. ун-та. Филология. — 2018. — № 1. — С. 66—70.
4. *Исаева А. В.* Функционирование прецедентных текстовых реминисценций в устной речи носителей русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук / А. В. Исаева. — Москва, 2000. — 168 с.
5. *Крючкова О. Ю.* Когнитивные и коммуникативные особенности дискурсивных фрагментов религиозной тематики в речи диалектоносителей / О. Ю. Крючкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 2. — С. 19—26.
6. *Крючкова О. Ю.* Христианское и языческое в русской народной традиционной культуре (на материале текстового корпуса говора с. Белогорное Саратовской области) / О. Ю. Крючкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2008. — Т. 8, № 2. — С. 3—7.
7. *Липич О. В.* Поэтика прозы Аввакума (символы и тропы) / О. В. Липич // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. — 2005. — № 2. — С. 113—126.
8. *Нежданова Н. К.* Библейские реминисценции в рок-поэзии / Н. К. Нежданова // Дергачевские чтения — 2000. Русская литература: развитие и региональные особенности : материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 10—11 октября 2000 г. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001. — Ч. 2. — С. 232—235.
9. *Никонова Т. Н.* Речевой жанр притчи (эвокационный аспект) / Т. Н. Никонова, Л. И. Толстых, Н. А. Куликова // Коммуникативная культура старообрядцев Горного Алтая. — Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2014. — С. 44—49.
10. *Онищенко О. В.* Функционирование аллюзий, реминисценций и прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ / О. В. Онищенко // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. Гуманитарные науки. — 2010. — Специальный выпуск, № 2. — С. 58—64.
11. *Осипов А. И.* Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. — Москва, 1999. — 384 с.
12. *Прецедентное имя* и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык — Сознание — Коммуникация. — Москва : Филология, 1997. — Вып. 1. — 192 с.
13. *Ремпель Е. А.* Библейские речения, сюжеты и мотивы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Пошехонская старина») : автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Е. А. Ремпель. — Саратов, 2004. — 22 с.
14. *Смилянская Е. Б.* Книжная премудрость и избрание пути спасения старообрядцами Верхоямья на рубеже XX—XXI вв. / Е. Б. Смилянская // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 1. — С. 36—43.
15. *Столяров О. О.* Религиозные мотивы в поэзии Арсения Тарковского / О. О. Столяров // Библийская символика в творчестве Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Тарковского : дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2006. — С. 87—134.
16. *Топоров В. Н.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах / В. Н. Топоров // Концепт движения в языке и культуре. — Москва : Индрик, 1996. — С. 7—88.

17. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. — Москва : Издательство Московского ун-та, 1982. — С. 52—55.

Material resources

- Fasmer, M. (2003). *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Astrel-AST. 1. 588 p. (In Russ.).
- Mikhelson, M. I. (1912). *Russian thought and speech: one's own and someone else's: experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories*. St. Petersburg. 1045 p. (In Russ.).
- NOS — *Novgorod Regional Dictionary*. (1994). Novgorod: Publishing house of the Novgorod State Pedagogical University. 8. 169 p. (In Russ.).
- Bakhmatov, A. A. et al. (2008). *Russians in the Komi-Permyak District: Ritualism and Folklore: Materials and Research*. Perm': Ot i do. 501 p. (In Russ.).
- SD — Tolstoy, N. I. (ed.). (2004). *Slavic antiquities*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 3. 693 p. (In Russ.).
- Shishonko, V. N. *Folk art of the Perm province. Manuscript, № 204*. (In Russ.).
- SPPP — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (eds.). (2001). *Dictionary of Pskov proverbs and sayings*. St. Petersburg: Norint. 178 p. (In Russ.).
- SRGK — Gerd, A. S. (ed.). (1999). *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 4. 633 p. (In Russ.).
- Zyryanov, I. V. (1977). *Kama freemen: historical folklore of the Prikam'ye*. Perm: Book publishing house. 227 p. (In Russ.).

References

- Bakhtina, O. N. (1998). The Book and the Word in the Old Believer System of Values (On the Originality of the Old Believer Literature). In: *The World of the Old Believers*. Moscow: ROSEN. 4. 166—171. (In Russ.).
- Isaeva, A. V. (2000). *Functioning of precedent textual reminiscences in the oral speech of native speakers of the Russian language: PhD Diss*. Moscow. 168 p. (In Russ.).
- Kryuchkova, O. Yu. (2008). Christian and pagan in Russian folk traditional culture (on the material of the text corpus of the dialect of the village of Belogornoye, Saratov region). *News of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*, 8 (2): 3—7. (In Russ.).
- Kryuchkova, O. Yu. (2018). Cognitive and communicative features of discursive fragments of religious themes in the speech of dialect speakers. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2: 19—26. (In Russ.).
- Lipich, O. V. (2005). Poetics of Habakkuk's prose (symbols and tropes). *Bulletin of Moscow University. Ser. Journalism*, 2: 113—126. (In Russ.).
- Nezhdanova, N. K. (2001). Biblical references in rock poetry. In: *Dergachev readings — 2000. Russian literature: development and regional features: materials of the international scientific conference, Yekaterinburg 2000*. Ekaterinburg: Ural University Press. 2. 232—235. (In Russ.).
- Nikonova, T. N., Tolstykh, L. I., Kulikova, N. A. (2014). The speech genre of the parable (evocative aspect). In: *Communicative culture of the Old Believers of Gorny Altai*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 44—49. (In Russ.).
- Onishchenko, O. V. (2010). The functioning of allusions, reminiscences and precedent phenomena in the texts of the Russian-language media. *Bulletin of the Taganrog Insti-*

- tute named after A. P. Chekhov. *Humanitarian sciences. Special issue, 2*: 58—64. (In Russ.).
- Osipov, A. I. (1999). *The path of the mind in search of truth*. Moscow. 384 p. (In Russ.).
- Rempel, E. A. (2004). *Biblical sayings, plots and motifs in the work of M. E. Saltykov-Shchedrin* ("History of one city", "Lord Golovlevs", "Poshekhonskaya antiquity"): author's abstract of PhD Diss. Saratov. 22 p. (In Russ.).
- Smilyanskaya, E. B. (2013). Book wisdom and the choice of the way of salvation by the Old Believers of Verkhokamyie at the turn of the 20th—20th centuries. *Bulletin of Tomsk State University. Story, 1*: 36—43. (In Russ.).
- Stolyarov, O. O. (2006). Religious motives in the poetry of Arseny Tarkovsky. In: *Biblical symbolism in the works of V. Pasternak, A. Akhmatova, A. Tarkovsky: PhD Diss*. Moscow. 87—134. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1996). On one of the paradoxes of motion. A few remarks on the supra-empirical meaning of the verb "stand", mainly in specialized texts. In: *The concept of movement in language and culture*. Moscow: Indrik. 7—88. (In Russ.).
- Uspenskiy, B. A. (1982). *Philological research in the field of Slavic antiquities*. Moscow: Moscow University Publishing House. 52—55. (In Russ.).
- Vorontsova, Yu. A. (2004). *Reminiscences in the texts of modern media: PhD Diss*. Belgorod. 233 p. (In Russ.).
- Zakharenko, I. V. Krasnykh, V. V. et al. (1997). Precedent Name and Precedent Statement as Symbols of Precedent Phenomena. In: *Language — Consciousness — Communication*. Moscow: Filologiya. 1. 192 p. (In Russ.).
- Zhishkevich, A. I. (2018). Typology of forms of intertextual inclusions based on the reminiscent field. *Journal of the Belarusian State. university Philology, 1*: 66—70. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.03.2022,
одобрена после рецензирования 02.05.2022,
подготовлена к публикации 13.05.2022.